

— Сначала оберни голову полотенцем, надень халат и ложись на кровать ждать, — сказал У Чжэнь, доставая из небольшого чемодана плотный халат и передавая его Хэ Сыцзя. — Я схожу вниз, узнаю.

У Чжэнь вернулся быстро, держа в руках два термоса с горячей водой и пластиковый таз.

Увидев Хэ Сыцзя, который, закутавшись в его халат, сидел под одеялом, словно жалкий щенок, У Чжэнь тихо усмехнулся:

— Скорее всего, сломался водонагреватель. Придется разбавить горячую водой и помыться в тазу. Он новый.

Хэ Сыцзя за всю свою жизнь никогда не мылся с помощью термоса и, не желая смириться, спросил:

— Ты шутишь?

Улыбка У Чжэня не изменилась.

— Учитель Хэ может и не мыться.

Хэ Сыцзя на мгновение замер, затем, полный раздражения, спрыгнул с кровати, выхватил термосы и таз, ушел в ванную, громко хлопнув дверью.

Быстро приняв душ, Хэ Сыцзя все еще чувствовал, что его руки и ноги леденеют. Он чуть ли не побежал обратно к кровати, запрыгнул под одеяло и швырнул халат обратно У Чжэню.

Он уже собирался лечь, как У Чжэнь произнес:

— Если не высушить волосы, можно простудиться.

Хэ Сыцзя замер, увидев, как У Чжэнь взглядом указывает на небольшой фен, подключенный к розетке на тумбочке.

— Можешь воспользоваться.

После короткого колебания Хэ Сыцзя взял фен, но перед тем как включить его, вдруг сказал:

— Я оставил тебе один термос.

У Чжэнь, удивленный, на мгновение застыл, а затем улыбнулся.

— Спасибо.

Когда Хэ Сыцзя высушил волосы, У Чжэнь все еще был в ванной.

На самом деле, проспав весь день, Хэ Сыцзя не чувствовал сонливости, но, зная, что завтра нужно рано вставать, он заставил себя закрыть глаза.

Пытаясь уснуть, он услышал, как открылась дверь ванной. Хэ Сыцзя не открыл глаза, но услышал тихие шаги У Чжэня и почувствовал, как матрас подался под его весом.

У Чжэнь лег рядом с ним.

Кровать была узкой, и им пришлось тесно прижаться друг к другу.

В памяти Хэ Сыцзя не было ни одного случая, когда он спал так близко с другим взрослым мужчиной. Это чувство было странным, даже вызывало необъяснимое давление, и он невольно напряг спину. Попытавшись расслабиться, он глубоко вдохнул, но вместо привычного холодного аромата почувствовал запах геля для душа.

Щелчок.

Свет погас.

Хэ Сыцзя вдруг повернул голову и при лунном свете разглядывал У Чжэня.

Тот, лежа на боку и опираясь на локоть, смотрел на него сверху вниз:

— Что-то не так?

— Нет, ничего.

У Чжэнь улыбнулся, лег на спину.

— Спокойной ночи.

Все стихло. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Хэ Сыцзя наконец почувствовал сонливость.

Когда его разбудил будильник, на часах было пять сорок восемь утра.

Хэ Сыцзя резко сел, увидев, что в комнате горит тусклый свет, а У Чжэнь, уже одетый, сидел за столом с фарфоровой чашкой в руках.

— Почему ты меня не разбудил? — спросил Хэ Сыцзя, его волосы торчали во все стороны, как у цыпленка.

У Чжэнь не выглядел виноватым, напротив, спросил в ответ:

— Разве ты не поставил будильник? Он звонил три раза, но ты не проснулся.

Хэ Сыцзя закипел от злости, но времени было мало, и он, надев обувь, бросился в ванную. В этот момент он услышал спокойный голос У Чжэня:

— Водитель сообщил, что подъем разрешен только с семи. Не торопись.

— ... Черт!

Хэ Сыцзя с утра был настолько зол, что почти ничего не съел. В машине он сидел с угрюмым лицом, не отвечая ни на чьи вопросы.

Лу Синь подумала, что у него просто не прошла утренняя раздражительность, и открыла ноутбук, чтобы продолжить работу. Закончив редактировать презентацию, она подняла голову и, взглянув в окно, вздрогнула:

— Опять снег? Неужели гору снова закроют?

Водитель, с сильным акцентом, успокоил ее:

— Мы уже на горе. Закрытие не помешает, но возможны пробки.

Его слова оказались пророческими.

Обычно переезд через гору занимал два с половиной часа, но к полудню машина все еще стояла на полпути. Вереница автомобилей тянулась вдоль горной дороги, с одной стороны которой был обрыв, а с другой — заснеженные вершины.

Хэ Сыцзя, проснувшись, увидел, что машина уже десять минут не двигается, и решил выйти подышать свежим воздухом.

Открыв дверь, он почувствовал, как холодный ветер ворвался под воротник. На горе Чжэдо, если нет солнца, даже в мае температура держится на уровне нескольких градусов.

Хэ Сыцзя застегнул куртку до самого верха и, глядя на величественные заснеженные вершины под хмурым небом, заметил вдалеке разноцветные молитвенные флаги, развевающиеся на холодном ветру.

Он подошел к обочине, присел на корточки и, засунув руки в снег, попытался слепить снеговика.

В этот момент он услышал шаги за спиной.

Хэ Сыцзя обернулся и увидел У Чжэня в черной пуховике, на его волосах и плечах лежали снежинки, а выражение лица было слегка озорным.

— Когда на Чжэдо идет снег, пробки — обычное дело. Застрять на семь-восемь часов — это норма. Водители обычно не слишком щепетильны, и если им нужно справить нужду...

Хэ Сыцзя напрягся, почувствовав недоброе предчувствие.

— Они просто мочатся в снег на обочине.

Хэ Сыцзя резко встал, перед глазами потемнело, и он чуть не упал.

У Чжэнь тут же поддержал его, отпустив только тогда, когда тот устоял на ногах.

— Ты и правда поверил? Снег на обочине постоянно тает и заменяется новым.

Хэ Сыцзя не мог понять, правду ли говорит У Чжэнь, да и не хотел. Он пробормотал «псих» и, толкнув У Чжэня, вернулся в машину.

Пока он яростно вытирал руки влажными салфетками, в окно постучали. Увидев, что это ассистентка У Чжэня А-Шуй, Хэ Сыцзя, немного подумав, опустил стекло и холодно спросил:

— Что нужно?

А-Шуй нервно протянула маленький флакон.

— Брат У Чжэнь попросил передать вам антисептик, и... — она достала из кармана несколько сердечек из шоколада. — Он сказал, что у вас, возможно, низкий уровень сахара.

К пяти часам машина наконец пересекла гору Чжэдо, и к тому времени, как они добрались до уезда Бата, уже стемнело.

Так как от уезда до деревни Цзяло, где находилась съемочная группа, еще больше часа пути, и дорога была плохой, они решили переночевать в Бата.

Уезд был небольшим, с несколькими гостиницами, но, к счастью, туристов было мало, и Хэ Сыцзя получил номер с двухспальной кроватью, который был более-менее приличным.

После целого дня в дороге он чувствовал, что его копчик вот-вот отвалится. Быстро поужинав, он вернулся в номер и проспал до следующего утра. Спускаясь вниз, он снова встретил У Чжэня, который кивнул ему в знак приветствия. Они молча шли к столовой.

Проходя через сад, Хэ Сыцзя вдруг остановился и посмотрел на небо.

Было еще не было семи утра, звезды еще не исчезли, и небо было усыпано серебристыми искрами, которые казались такими близкими, что до них можно было дотянуться.

— Красиво? — У Чжэнь тоже остановился и спросил.

— Ага.

— А как на степи Улань?

Хэ Сыцзя стал популярным благодаря сериалу в жанре уся, часть съемок которого проходила на степи Улань. Он предположил:

— Ты смотрел мой сериал?

— У него хороший рейтинг. Разве странно, что я его видел?

— О, я думал, ты не смотришь такие вещи.

Даже если У Чжэнь знал, что его героя зовут Фу Линьлань, это, вероятно, было лишь поверхностным знанием. В представлении Хэ Сыцзя, У Чжэнь предпочитал сложные, замысловатые и глубокие произведения, а не легкомысленные блокбастеры.

— Это зависит от того, кто играет. — У Чжэнь засунул руки в карманы и продолжил идти.

Хэ Сыцзя поднял бровь:

— Что ты имеешь в виду?

У Чжэнь поддразнил:

— Учитель Хэ, разве ты не знаешь, что у тебя отличная зрительская симпатия?

«Зрительская симпатия» — это нечто мистическое. Не нужно быть гениальным актером, достаточно иметь лицо, которое нравится зрителям. И у Хэ Сыцзя было именно такое лицо. Будь то школьники или домохозяйки, все находили его привлекательным.

Хэ Сыцзя, довольный собой, с легкой улыбкой сказал:

— Меня называют лицом первой любви.

— Ага, я тоже твой зритель.

Это было самое приятное, что У Чжэнь сказал за все время, и Хэ Сыцзя даже начал смотреть на него с большей симпатией. В столовой он даже сел рядом с ним.

Завтрак в гостинице был простым, и вкус оставлял желать лучшего. Пока Хэ Сыцзя пил кашу, У Чжэнь вдруг спросил:

— Ты действительно думаешь, что Тун Саньминь больше подходит на роль киноимператора, чем я?

— Кх-кх-кх!

Хэ Сыцзя поспешно вытер рот салфеткой, не успевая за ходом мыслей У Чжэня. Как это так, без всякого вступления, он начал вспоминать старые обиды?

Тун Саньминь был номинантом на звание киноимператора, соперником У Чжэня, и Хэ Сыцзя называл его «некоронованным королем».

Но Хэ Сыцзя не чувствовал себя виноватым.

— Не только я так думаю. Многие говорят, что Тун Саньминь вживается в роль, а ты в каждой роли остаешься собой.

Он не врал. Хотя У Чжэнь и был киноимператором, его актерская игра все равно подвергалась критике, и «играет себя в каждой роли» было самым частым замечанием.

— На самом деле, это не так уж и неправильно.

У Чжэнь выглядел спокойным, словно комментарий Хэ Сыцзя его не задел.

— Говорят, что кино — это искусство режиссера, а актер — всего лишь инструмент. Но не все актеры готовы быть инструментами.

<http://bllate.org/book/15522/1379550>